

# ИСТОКИ СТИХА

## ОБ ОДНОЙ ТЕЛЕПЕРЕДАЧЕ ИЗ ЦИКЛА «ПОЭЗИЯ»

Старый, очень старый человек, чем-то напоминающий Эйнштейна, смотрит на нас с телеэкрана. Его лицо, беззащитное разрушениями времени, высвечено во весь размер электронно-лучевой трубки. Взгляд, погружающийся в глубины прошлого, уже чернеет тенью подступающего будущего.

Но старый человек — поэт. И он начинает читать стихи. Глухой и скрипучий голос постепенно набирает силу и звонкость. К немощному телу под чудодейством невидимых пружин возвращается былая упругость. Движения и жесты становятся все более энергичными, облегчая рождение единственно нужного слова и ускоряя его вылет в пространство. Взгляд, преображенный разрядами накопленной духовной энергии, мечет молнии. И уже бушует пламя поэзии, выжигая лед зимы. И уже несется целебная стихия стиха, воскрешая вечную надежду весны. «О, весна без конца и без краю — без конца и без краю мечта! Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!»

Мы смотрим передачу, созданную Главной редакцией литературно-драматических программ Центрального телевидения, которая шла недавно по первой программе. Блокнотские строки читает поэт Павел Григорьевич Антокольский, творчеству которого посвящена передача. Читает их дважды: как лозунг весны двенадцатых годов, в кадрах с Юрием Александровичем Завадским и на открытом пространстве в Шахматове перед тысячами людей. А мы видим, как они встречают старого поэта.

Три года, как его нет с нами. Но «каждая человеческая жизнь есть фрагмент, оборванный на полуслове. Все остальное остается где-то за кадром...». Это опять он — в кадре передачи. Жизнь поэта продолжается.

Он дочитывает стихотворение «Работа», написанное через сто лет после гибели Пушкина: «Дальше пушек и дальше набата слышна еле слышная, тайная мысль человека». Дорисовывает портрет своего современника в стихотворении «Маяковский»: «...Встанет на трибуне, и требует слова, и на смерть идет, и рождается снова». И страстно вызывает в будущее, будоража бескорыстное творческое начало.

О поэте доподлинно говорят сами его стихи. Эту истину напомнил Андрей Вознесенский, прочитавший по памяти школьных лет «Я «молнин» слал в эту мглу дождевую...» А телевизор доносил

до нас не только звучание стиха, но и теплоту признательности. Он работал, как тепловизор, показывая температуру человеческого сердца. О поэте много и интересно говорили известные деятели литературы и искусства, дорисовывая творческий портрет нашего удивительного современника. И разные монологи сливались в искреннее признание в любви.

Антокольского нельзя было не любить. Его любили все. В нем были открытость, прямота. Его доступность была очень важна для молодых поэтов, которые приходили к нему со своими стихами. Он был им, как родной отец. Это было отцовское отношение к поэзии. И недаром из его учеников многие заняли свое место в советской поэзии. Я могу назвать Александра Межирова, Беллу Ахмадулину. Редко можно встретить человека, который так бескорыстно думал бы о литературе.

Это — свидетельство старейшего советского писателя Вениамина Александровича Каверина. Мы видим его и верим доверительному тону рассказа. А потом в телекадре появляется хорошо знакомое зрителям лицо Александра Межирова, который размышляет об учителе и читает поэму «Сын». А на экране появляется портрет Володи — сына Антокольского — с одним кубиком в петлице. Лицо все растет, сливается со зданием школы, закручивается вместе с деревом школьного двора и тает. Остаются в глубине экрана одни большие глаза навеки восемнадцатилетнего.

Поэт Евгений Винокуров учился с Володи в одной школе. А после фронта поступил в Литературный институт и попросился на семинар, которым руководил Павел Григорьевич. Об этом мы тоже узнали из передачи.

Главный режиссер Театра имени Евг. Вахтангова народный артист СССР Евгений Рубенович Симонов делится живыми впечатлениями детства со своим соседом по дому на улице Щукина, показывает интересные документы.

Кажется, что видишь, как быстро пересекает двор одухотворенный человек. Как входят в открытую настежь дверь его квартиры и души знаменитые мастера советской культуры и просто люди. Всем он нужен. Ни к кому и ни к чему не безразличен.

Стрелки времени сдвигаются на двадцатый год. И мы присутствуем при рождении «Принцессы Турандот». Оказывается, что идею постановки спектакля по старинной

сказке принес Евгению Вахтангову его ученик по студии Павел Антокольский. Мысль стремительно мчит против потока времени. Мы еще в 1431 году. Сжигают Жанну д'Арк. Но рождается великий французский поэт Франсуа Вийон. А через полтысячелетия — поэт не подвластен времени — Вийон встречается с Антокольским. Время подвластно поэту. И рождается пьеса «Франсуа Вийон». И мы будем ждать ее сценического осуществления, обещанного Симоновым в его блестящей теленовелле, насыщенной информацией и страстью.

Апогеем передачи становятся ее заключительные кадры. Они возвращают нам живого поэта. А он резкими движениями рук как бы разрывает свое тело и бросает нам свой ум, свое сердце, свою любящую душу.

Трудно переоценить эмоциональную силу эпизода, да и всей передачи. Пишешь эти строки. Надо бы остыть. Да не получается. Скорее наоборот. 70 прошедших минут осмысливаются и переживаются заново. Это не только стихи. И не просто сборник интересных теленовелл. Пиршество культуры почувствовалось сразу. А позже подумалось, что видел и слышал поэму о творчестве, о гармонии, о Человеке и бессмертии его духа.

Все части передачи сбалансированы и умело связаны в единое целое. Все подчинено задаче раскрытия образа. Отменна режиссура передачи, синтезирующая поэзию с образными и звуковыми средствами телевидения. Здесь и отбор характерных стихов, и подбор «действующих лиц», и учет психологии восприятия. Лирическое начало, живописующее поэзию старого Арбата, согревает душу и подготавливает к встрече с поэтом. Панорама выставки, посвященной творчеству Антокольского, показывает не только книги и рукописи, но и картины поэта. И оживает в памяти портрет молодого Антокольского с черным кольцом Марины Цветаевой, написанный молодым Юрием Завадским. И продолжают звучать финальные стихи благословения. Думается, что создано художественное произведение высокого нравственного звучания. Что создателями передачи и прежде всего ее талантливым режиссеру Ионасу Мисвявичусу и редактору Дине Чупахиной удалось раскрыть земной и возвышенный образ одного из положительных героев трудного века.

Эта передача — одна из

многочисленных работ телевидения в цикле «Поэзия». Большинство передач этого цикла посвящено творчеству поэтов, уже ушедших из жизни. И мы видим стремление воссоздать истоки стиха, показать его большую и малую родину, воспроизвести колорит времени и личности поэта и довести все это таинство до многомиллионной телеаудитории. В сентябре дважды показывалась передача о поэзии Семена Кирсанова. Мы слышали голос поэта, читавшего стихотворение «Утренние годы», и одновременно видели репортаж с выставки «Москва — Париж», передававший колорит начала века, творческий порыв двадцатых годов. И казалось, что показывают синхронный репортаж, который ведет известный ученик Маяковского, неутомимый экспериментатор стихосложения. И обнажились истоки его поэзии.

Лишь в одном эпизоде мы видим живого поэта. Его восклицают кадры кинохроники. Он читает, быть может, не лучшее свое стихотворение о летчиках. Но нас захватывает темперамент молодого поэта, созвучный «маршу авиаторов». И приходит ощущение творческого полета. Незабываемы и последние кадры передачи. Смертельная болезнь, с которой мужественно борется поэт, прорывается грустью одного из стихотворений. «Эти летние дожди, эти радуги и тучи, — мне от них как будто лучше...» Строки сначала читает поэт Д. Самойлов, потом их подхватывает известный голос Аллы Пугачевой. А на экране возникает аллея и удаляющаяся фигура молодой женщины с маленьким ребенком. Жизнь продолжается. Интересное телевизионное решение сложной темы!

Разными способами решаются задачи цикла. И немаловажна роль участников передачи. Вспоминается прошлогодняя передача, посвященная Б. Пастернаку. Ею вел незабвенный Сергей Сергеевич Наровчатов, поэт иной эстетической направленности, человек широты необычайной.

Совсем недавно прошла интересная передача, посвященная замечательному таджикскому поэту Мирзо Турсунзаде. Ее показывали в дневное время. И, надеюсь, повторяют.

А возвращаясь к началу нашего разговора, ждешь новой встречи с полюбившейся рубрикой, чтобы глубже всмотреться и лучше вслушаться в поэму о бессмертии.

Ю. КАРПЕЙСКИЙ,  
лауреат Ленинской премии.